

лики без лирических замедлений наполнены остротой, перчинками юмора, без игры на самобытность выражений. Игра **Вячеслава Пичугина**, исполняющего роль городского чиновника Городулина, словно отсылает к жанру водевиля, отличается непосредственностью, импровизационной легкостью диалога, чувством юмора. Он как шоумен из нашего настоящего, постоянный участник ток-шоу. Вячеслав Пичугин — актер с комедийным даром и прекрасными вокальными возможностями. Этому артисту свойственна чуткость к жанровой природе водевиля. «Водевильность» Городулина, кажется, и объясняет то, что его не воспринимают очень серьезно в обществе: старики не делают на него большие ставки. Мамаевым и Крутицким нужен другой человек — молодой, умный, смелый, думающий, умеющий хорошо писать и говорить, увлекающий своей харизматичностью.

Спектакль арзамасского театра выдержан в каком-то новом жанре, который строится на пересечении драмы, водевиля, цирка, зрелища и притчи. Кстати, притча выступает здесь как специфическая форма, сохраняющая традиционные признаки: дидактизм, аллегоризм, отвлеченные понятия, символика образов, сюжетность. Одновременно притча приобретает абсолютно современные черты: лиризм, эмоциональность, осмысление собственной, частной истории как этапа развития человеческой цивилизации.

Много всего?! Да! Так что же? Время такое! Зритель, не сердись на Островского, если узнаешь себя и близких. Ведь «паралич сердца», которым «заражается» Глухов, стал тотальным параличом погибающей на наших глазах Души.

Елена ВАЛЕЕВА

АСТРАХАНЬ. Комета «Маяк»

В декабре на сцене **Астраханского драматического театра** состоялась премьера спектакля «**Маяк**» по поэме **Владимира Маяковского** «**Облако в штанах**» в постановке **Игоря Лысова**.

Современные театральные работы о Маяковском, как правило, представляют шквал биографических фактов и минимум стихов. «Маяк» — это постановка для тех, кто в Маяковском любит Маяковского, спектакль о поэте в его же стихах. Это — «Облако в штанах», но не то облако, что рассеивается без следа, а маяк для будущих поколений. Его свет — верный ориентир для артистических кораблей, которыми правят капитаны, влюбленные в художественное слово как таковое, в слово как жанр, как вид литературы и искусства, как часть культурного бытия, как составляющая мироздания, где есть место человеку. В этом

смысле «Маяк» как название спектакля и впрямь попадает в точку не только фонетически, но символически и биографически, предвосхищая сценический образ.

Судьба распорядилась так, что в 30-е годы «товарищ Маузер» стал «сотоварищем» поэта в жизни реальной, а в 1950-е годы пароход, названный в честь Маяковского, так-таки и затонул в Балтийском море. Но иначе на Каспии-море. В Баку на фасаде Азербайджанского педагогического университета установлена мемориальная доска, гласящая о том, что «здесь <...> читал свои произведения великий советский поэт Владимир Маяковский». А вот слова из автобиографии Маяковского еще «теплее» к месту поставленного «Маяка»: «*Отчего не в партии? Коммунисты работали на фронтах. В искусстве и просвещении пока соглашатели. Меня послали ловить рыбу в Астрахань*» (1918)...

«Маяк». Сцена из спектакля

И вот Маяк-Маяковский в Астрахани — в год 125-летия со Дня рождения поэта — на сцене Астраханского драматического театра, которому более двухсот лет, но на подмостках которого при жизни поэта его стихи не звучали, хотя «маяки» в краю, «где Волга прынула стрелою» (В. Хлебников) исстари уважали не только на воде.

Творчество Маяковского раннего периода экспрессивно, метафорично и метаболично. В этой связи музыкальная составляющая спектакля поразительна. Виртуозные исполнители, способные вдохнуть в импровизацию ощущение вибрации мира и его меняющегося в транспозиции облика — от недр подземных и до поднебесья. Звучание электроскрипки и электрогитары создает колористические эффекты ладовых переходов в бытии экзальтированной мистерии, творимой на сцене. Феерическую мутацию дополняет действие в виртуальном пространстве и работа со светом, который вдруг вспыхивает тогда, когда ты думаешь, что он должен бы погаснуть, и затухает в тот момент, когда, казалось бы,

обречен снова зажегся. И звучит слово Поэта — слово произнесенное — предъявленная миру декларация, покоряющая лиричностью. И рождается сценический образ — метабола, объединяющая пространство от воронки, затягивающей в небытие ада, до знаменного распева в причастии... Все так и есть: «*Пойду рыдать, что перекрестком распяты городовые*», «*Скрипка издергалась, упрасивая*», «*А вы смогли бы?*». Таков он сам — «*в самом обыкновенном Евангелии*» — «*Тринадцатый апостол*», «*А я у вас — его предтеча; я — где боль, везде; на каждой капле слезовой течи распял себя на кресте*»... Как жить при «Любви втроем»? Третий — лишний, но этот третий — всегда «Я». Это страдающее и страдательное «Я» поэта в стихах Маяковского горит пощечинами, обнажая лирические «*нервы — большие, маленькие, многие!* — скажут бешеные, и уже у нервов подкашиваются ноги!», «*Я выжег душу, где нежность растлила. Это труднее, чем взять тысячу тысяч Бастилий!*»...

Мое поколение выросло на стихах Маяковского. Но мы учили не «бастилии» — мы

учили другие стихи. И, как любое стихотворение из школьной программы, их читали наизусть как мальчики, так и девочки. Однако сама мысль о том, что в моноспектакле от лица Маяковского может выступать женщина, почему-то не приходила мне в голову. Но театр есть театр. И любое режиссерское решение имеет право на жизнь, если оно воплощено талантливо. В спектакле «Маяк» Владимира Маяковского играет **Людмила Григорьева**. Она парадоксально сливается с образом поэта на фотографиях Маяковского футуристического периода. Дело не в цилиндре и сюртуке, она внешне похожа не него.

А на сцене — жизнь художественная, в которой все кружится, меняя плоскости и пространства, и можно перемещаться не только по горизонтали, вертикали, но даже по потолку! И шлейф балетного тюля подобен облаку, до которого не дотянешься и не ухватишься — улетает... Стихи «Облако в штанах» посвящены Владимиром Маяковским Лиле Брик — женщине конкретной, непродуманной, — стихи ошарашивающие. В данном случае женский силуэт театрально работает тоньше «громады» реального поэта. Проживая на сцене строки «Облака», Людмила Григорьева эмоционально «подчиняет» им как живые импровизации рок-музыкантов группы «TwoSiberians» (**Артем Якушенко** и **Юрий Матвеев**), так и отстраненное действие виртуального пространства, хотя при вдумчивом чтении «Облака» можно без труда заметить, что в самом тексте поэмы заложена каждая из сценических опций, обретших плоть метафор. И в этом несомненная заслуга режиссера.

Ранее мне не доводилось видеть театральные работы в постановке Игоря Лысова. Радостно, что в канун Нового года, объявленного в России Годом театра, для меня такой премьерой во всех смыслах случился «Маяк», зажженный в год 125-летия со дня рождения Владимира Маяковского на сцене любимого мною Астраханского драматического театра, — спектакль максималистский, психологичный, театральный. Премьера «Маяка» дарит зрите-

Л. Григорьева в спектакле «Маяк»

лю ощущение реальности театра как такового — то, ради чего зритель идет в театр.

Для меня как зрителя, ныне проживающего в Иерусалиме, «Маяк» стал нечаянной встречей с русским литературным достоянием, которое, как «живое о живом», обрело еще одну жизнь на подмостках. Это так по-маяковски — гореть, обретая себя нового.

Театр творится ради зрителя, которому и в третьем тысячелетии важно, что, если звезда зажглась, то она должна сиять во имя человеческого в человеке, познанного поэтом на ярмарке тщеславия, а еще — говорить о любви, равнозначной жизни. Только такой театр способен убедить нового зрителя в том, что вспыхнувшая звезда — звезда настоящая.

Галина ПОДОЛЬСКАЯ